

**Е. Д. Харченко**

*Тверской государственный университет, магистрант*

*Научный руководитель: д. филол. н. А. А. Залевская*

## **ПЕРЕВОДЫ СТИХОТВОРЕНИЯ ГЕНРИ ЛОНГФЕЛЛО «PSALM OF LIFE» НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

Генри Уодсворт Лонгфелло (1807–1882) был заметной фигурой в культурной жизни Америки в XIX веке. Уже в 13 лет он открыл в себе литературный талант. В одно и то же время он был поэтом, лингвистом, переводчиком, романтиком и путешественником. Этот автор входит в плеяду наиболее ярких поэтов-романтиков мира, и его перу принадлежит большое количество выдающихся произведений. Более того, Генри Лонгфелло первым из американских поэтов добился широкой известности и популярности не только в Америке, но и за рубежом.

Началом творческой литературной деятельности Лонгфелло принято считать тридцатые годы XIX века: 1839 год был ознаменован выходом его первого сборника «Voices of the Night» («Голоса ночи»). Настоящим шедевром данного сборника является его раннее стихотворение «Psalm of life» («Псалом жизни»), анализу переводов которого и посвящена данная статья. В Америке оно завоевало необычайный успех и было у всех на устах. Современные автору критики слышали в нем «голос молодой, здоровой, полной надежд Америки» [Robertson 1887: 76]. Эрик Робертсон считает, что слова этого прекрасного стихотворения «можно применить и к жизни пастуха и к жизни короля...» [цит. раб., с. 79]. В России данное стихотворение было также крайне популярно, существует более десятка его переводов, однако для работы были выбраны переводы двух поэтов XIX века, а именно А.П. Барыковой (1839–1893) и И.А. Бунина (1870–1953), а также перевод современного автора, переводчика англо-американских и русских поэтов В.А. Постникова (р. 1949).

Стихотворение было написано в 1838 году и является некой исповедью поэта, обращением к читателям, отчаявшимся на своём жизненном пути. Он словно призывает их отогнать мрачные думы, опровергает бессмысленность бытия: «*Tell me not, in mournful numbers, / Life is but an empty dream!*». Стихотворение не зря представлено как псалом (жанр христианской молитвословной поэзии), в котором религиозное чувство сочетается с жизненным опытом, ведь автор выступает в роли наставника, проповедующего оптимистический идеал жизни. Данное стихотворение – итог философских раздумий о смысле жизни и о предназначении человека. Лонгфелло предлагает быть героем и творцом собственной жизни, а не бессловесным рабом: «*Be not like dumb, driven cattle! / Be a hero in the strife!*».

На протяжении всего стихотворения автор призывает к работе и труду, а главная цель, по его мнению, состоит в том, чтобы оставить свой след, стать примером для других, потерявших надежду:

*Lives of great men all remind us  
We can make our lives sublime,  
And, departing, leave behind us  
Footprints on the sands of time;  
Footprints, that perhaps another,  
Sailing o'er life's solemn main,  
A forlorn and shipwrecked brother,  
Seeing, shall take heart again,  
Let us, then, be up and doing,  
With a heart for any fate,  
Still achieving, still pursuing,  
Learn to labor and to wait.*

Огромный интерес представляет само построение стихотворения, которое состоит из девяти катренов. Катрен – четверостишие, рифмованная строфа в четыре стиха, имеющая завершённый смысл. Характер рифмовки перекрёстный, т.е. слова рифмуются через строку по типу abab. Об этом стихотворении невозможно было бы сказать, что строки льются плавно и размеренно. Причиной тому является неравное количество слогов в строчках (8–7), что придаёт повествованию напряжённость и динамичность. Также эмоциональность и решительное настроение усиливаются благодаря использованию различных изобразительно-выразительных поэтических средств. В целом стихотворение строится на антитезе. Яркая, насыщенная жизнь человека, который является борцом, противопоставлена пессимистичной жизни, а скорее существованию, отчаявшегося. На протяжении всего стихотворения ряд слов с негативным значением (*mournful, dead, sorrow, empty, dumb, dust, forlorn*) пересекается с оптимистическими выражениями (*dream, enjoyment, pleasant, earnest*). Для Г. Лонгфелло отчаяние и жизнь – два несовместимых понятия. Человек, опустивший руки, для него скорее мёртв, чем жив, о чём свидетельствует выбор лексики: *grave, dead, funeral*. Однако автор не отрицает того, что жизнь – не грёзы, это поле боя, в котором каждый должен быть героем:

*In the world's broad field of battle,  
In the bivouac of Life,  
Be not like dumb, driven cattle!  
Be a hero in the strife!*

Обиходная лексика сочетается с военной терминологией (*muffled drums, field of battle, dumb*). Можно сделать вывод, что в стихотворении словно переплетаются различные музыкальные жанры: похоронный марш, военный гимн, псалом.

Как уже было сказано выше, «Псалом жизни» является своеобразным обращением к читателю, поэтому автор прибегает к использованию риторических обращений: «*Tell me not! / Be not like dumb, driven cattle! / Be a hero in the strife!*». Большое количество восклицательных предложений указывает на высокую эмоциональность говорящего, передаёт побуждение к действиям: «*Life is real! Life is earnest! / Let the dead Past bury its dead!*».

Несмотря на большое количество переводов данного стихотворения на русский язык, все они различаются и в разной степени соответствуют оригиналу. Следует различать потенциально достижимую эквивалентность, под которой понимается максимальная общность содержания двух разноязычных текстов, допускаемая различиями языков, на которых созданы эти тексты, и переводческую эквивалентность – реальную смысловую близость текстов оригинала и перевода, достигаемую переводчиком в процессе перевода. Пределом переводческой эквивалентности является максимально возможная (лингвистическая) степень сохранения содержания оригинала при переводе, но в каждом отдельном переводе смысловая близость к оригиналу в разной степени и разными способами приближается к максимальной [Комиссаров 1990, с. 40]. А вот что писал известный русский поэт А. А. Фет в середине XIX века: «Счастлив переводчик, которому удалось, хотя отчасти, достигнуть той общей прелести формы, которая неразлучна с гениальным произведением... Но не в этом главная задача, а в возможной буквальности перевода: как бы последний ни казался тяжеловат и шероховат на новой почве чужого языка, читатель с чутьем всегда угадает в таком переводе силу оригинала» [Фет 1888, с. 333]. Три варианта перевода были выбраны по нескольким причинам. И.А. Бунин по идиостилию и мировосприятию совпадал с американским поэтом, и его можно назвать верным переводчиком поэзии Лонгфелло. А.П. Барыкова являлась поэтессой-революционером, потому для анализа интересен её перевод в виде революционного призыва. А перевод В.А. Постников является наиболее современным среди названных.

Переводчики по-разному отражают лексико-стилистические особенности «Псалма жизни» Лонгфелло: эпитеты оригинала и перевода просты и меланхоличны. Так, например, «*in mournful numbers*» – *в строфах унылых* (у Бунина), *в печальном песнопеньи* (у Барыковой), *тоскливо* (у Постникова). В последнем случае переводчик заменяет часть речи и теряет художественное средство; «*empty dream*» – *сон пустой* (у Бунина и Постникова), однако *сон тревожный и пустой* (у Барыковой). Писательница добавляет эмоционально-окрашенное слово *тревожный* и удлиняет строку; «*destined end or way*» – *жизни цель* (у Бунина), *святая цель у нашего пути* (у Барыковой), *предназначенный нам путь* (у Постникова). В данном случае последний вариант является наиболее приближенным к тексту ориги-

нала. Многие идиоматичные выражения используются в своём привычном значении в тексте Г. Лонгфелло, а также и в переводе на русский язык: «*in the world's broad field of battle*» – на житейском бранном поле (у Бунина), *весь мир нам битвы поле* (у Барыковой), *в мире, где борьба не стихнет* (у Постникова); «*the sands of time*» – в песках времен (у Бунина), *на Времени песках* (у Барыковой), *на песках времён* (у Постникова).

Интересным представляется образ времени в оригинале стихотворения. Автор олицетворяет понятия прошлого, настоящего и будущего и пишет о них с заглавных букв:

*Trust no Future, howe'er pleasant!*  
*Let the dead Past bury its dead!*  
*Act,-act in the living Present!*

Данный приём сохранён в каждом из трех переводов: «*Не оплакивай Былого, / О Грядущем не мечтай, / Действуй только в Настоящем*» у Бунина, «*Оставь о Будущем приятные мечтанья; / А Прошлое пускай хоронит мертвецов... / Лишь в Настоящем – жизнь!*» у Барыковой, «*Будущему не завидуй, / и о Прошлом не жалеи! / Действуй только в Настоящем!*» у Постникова. Из перечисленных выше примеров видно, что восклицательные побудительные предложения, звучащие с особым торжественным пафосом, сохранены и в текстах переводов. Стоит отдельно рассмотреть предложение «*Life is real!*», которое только в переводе Постникова переведено как *жизнь живая*. У Бунина и Барыковой можно наблюдать антонимический перевод, т.е. замену утвердительной формы оригинала на отрицательную форму: *жизнь не грёзы* (у Бунина), *жизнь не обман, не шутка* (у Барыковой).

В оригинале стихотворения читатель знакомится с эпитафией: «*What the Heart of the Young Man Said to the Psalmist*», что дословно может быть переведено как «вот что сказала сердце молодого человека автору этого псалма», т.е. в роли учителя жизни выступает человеческое сердце. Интересно, что ни в одном переводе данный подзаголовок не сохранён, однако каждый из них также построен в виде обращения ко второму лицу в единственном числе.

Нельзя обойти стороной интересное решение переводчика Постникова. Лонгфелло в оригинале стихотворения пишет: «*Art is long, and Time is fleeting*», что связано с крылатым выражением Гиппократа на латинском языке: *Vita brevis, ars longa* (жизнь коротка, искусство вечно). И. Бунин переводит: «Путь далёк, а время мчится», хотя слово *art* не несёт в себе значение пути. В переводе А. Барыковой наблюдается искажение, она лишь перефразирует строку на свой авторский стиль: «*Не унывай, на свете много дела, / А время быстрое незримо улетит*». Однако В. Постников разглядел в данной строке цитату и в переводе использовал её латинский вари-

ант, поменяв местами её составные части для сохранения рифмы: «*Arsa longa, vita brevis*».

Стихотворение представлено как псалом, а потому автор использует элегическую фразеологию, образы, навеянные религией. Г. Лонгфелло говорит о том, что нужно жить в настоящем и быть направляемым Богом: «*Act in the living Present! / Heart within, and God o'erhead!*». Однако при переводе данной строфы только у Барыковой встречается упоминание о Боге. Лонгфелло также приводит фразу из Священного Писания о прахе, из которого создан человек и которым он в конце концов обернётся. Это высказывание сопровождается опровержением ошибочно придаваемого ему смысла: «*Dust thou art, to dust returnest, / Was not spoken of the soul*». Библейское изречение опровергается Лонгфелло в пользу труда. В переводах архаизм звучит: «*Прах еси – и в прах вернешься*» (Бунин – единственный из переводчиков, которой добился лаконичности в меланхолическом утверждении), «*Ты прах еси, – и ты предашья тленью*» (у Барыковой) и «*Пыль ты есть, в пыль возвратишься*» (у Постникова, который использует прямое значение слова).

В связи со способом рифмовки следует отметить, что, не все стихотворения соответствуют оригиналу. Так, в переводе Бунина характер рифмовки – *abcb*, каждая третья строка каждого катрена холостая. В переводе Барыковой рифма также перекрёстная (*abab*), однако из-за большого количества слогов в строчках (13–12) стихотворение по форме сильно отличается от оригинала. Переводу Постникова характерна холостая рифмовка. Стихотворение переведено четырёхстопным хореем, что делает его похожим на некий бодрый марш.

Можно сделать вывод, что рассматриваемое стихотворение Г. Лонгфелло богато насыщенными образами, метафорами, олицетворениями, что придаёт языку красочность и поэтичность и усиливает его возвышенное настроение. Все переводчики с разной степенью эквивалентности представили его перевод на русский язык. Перевод Бунина является самым близким к тексту оригинала, он сумел средствами русского языка передать философский смысл стихотворения. Образы оригинала воспроизведены верно, но И. Бунин отказался от передачи перекрестной рифмовки и, тем самым, у него появилась свобода в выборе лексических единиц и стилистических приемов. А. Барыкова не стремилась при переводе следовать формальным признакам оригинала: строки удлинены, ритмический рисунок далек от текста оригинала. Эта особенность перевода не случайна, так как многие ее стихотворения были откликом на общественно-политические события в России конца XIX века. «Псалом жизни» в её интерпретации – стихотворный памфлет против тирании. Что касается перевода В. Постни-

кова, то он также далёк от оригинала, однако современный переводчик находит некоторые интересные неожиданные переводческие решения.

#### ЛИТЕРАТУРА

Барыкова Анна Павловна: Собрание сочинений – URL: [http://az.lib.ru/b/barykova\\_a\\_p/](http://az.lib.ru/b/barykova_a_p/) (Дата последнего обращения: 02.04.2018).

Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.

Eric S. Robertson *Life of Henry Wadsworth Longfellow* // Kessinger Publishing, LLC, 1887. – 192 p.

Longfellow, Henry. *The Poetical Works*. L., 1887.